

Г. Ф. Шершеневич

Наука гражданского права в России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
Г11

Г11 **Г. Ф. Шершеневич**
Наука гражданского права в России / Г. Ф. Шершеневич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 244 с.

ISBN 978-5-518-07344-9

Габриэль Феликсович Шершеневич (1 января 1863, Херсонская губерния – 31 августа 1912, Москва) – юрист, цивилист, профессор Казанского и Московского университетов, депутат I Государственной Думы. Отец поэта-имажиниста Вадима Шершеневича (1893–1942).

ISBN 978-5-518-07344-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сваго права и съ массою указовъ, составлявшихъ дѣйствующее законодательство того времени. Поэтому Дильтею оставалось только читать западно-европейскую юриспруденцію, лишь постепенно примѣняя ее къ русской жизни. По мнѣнію самого Дильтея, общій составъ юридическихъ наукъ долженъ быть въ слѣдующемъ видѣ: 1) естественное право, 2) римское, 3) уголовное и (?) вѣсельное, 4) русское, 5) государственное съ изложеніемъ отношеній между государями ¹⁾. Мы знаемъ однако, что сверхъ указанныхъ наукъ онъ читалъ весьма подробно еще морское право ²⁾. Трудно понять, что собственно должно было содержать русское право въ приведенной системѣ, потому что, хотя уголовное и государственное поставлены въ отдѣльныя рубрики, но едва ли оно имѣло своимъ предметомъ гражданское право въ виду полной неподготовленности Дильтея въ преподаванію. Слѣдуетъ замѣтить, что центръ преподаванія этого ученаго заключался въ естественномъ правѣ, что вполне соответствовало духу времени.

Въ одной только части гражданского права Дильтей оказался специалистомъ, именно въ вѣсельномъ правѣ. Въ 1769) году онъ издалъ „Начальныя основанія вѣсельнаго права, а особливо Россійскаго купно со Шведскимъ“. Успѣхъ этого сочиненія среди русской публики былъ настолько великъ, что въ теченіе короткаго времени оно выдержало шесть изданій. Книга эта свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ и подробномъ знакомствѣ Дильтея съ этою частью русскаго законодательства, причемъ онъ сумѣлъ соединить изложеніе положительнаго права съ теоріею, придерживаясь въ послѣдней преимущественно Гейпекція. Не слѣдуетъ думать, что это обширное сочиненіе посвящено исключительно вѣсельному праву: по поводу послѣдняго Дильтей даетъ свѣдѣнія о толкованіи законовъ вообще, причемъ дѣлитъ его на виды, принятые въ современной наукѣ, объ обычномъ правѣ (навыкѣ), о различныхъ договорахъ и о сущестѣ контракта, о просрочкѣ, о поручительствѣ и о другихъ понятіяхъ гражданского права. По обстоятельности и подробности сочиненіе Дильтея можно признать положительно образцовымъ для его времени. При изслѣдованіи юридической

¹⁾ Биографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, 1855, т. 1, стр. 305.

²⁾ Шевыревъ, Исторія Московскаго Университета, 1855, стр. 186.

природы векселя, Дильтей обнаруживает замѣчательную способность цивилиста отличать самые незначительные отѣнки каждаго изъ договоровъ. Интересно, что Дильтей уже поднимаетъ голосъ противъ стремленія искуать въ римскомъ правѣ объясненія всѣхъ явленій юридической жизни. „Нельзя стать, чтобы всѣ весьма не обманывались, которые сей родъ договора (т. е. вексель) хотѣли привести въ правила контрактовъ римскихъ правъ, когда дѣйствительно уже премножество у слѣдующихъ по нимъ народовъ родилось изобрѣтеній, о которыхъ Римляне и во снѣ себѣ не представляли“ (стр. 70 по изд. 1794 года).

Пристрастіе Дильтея къ вексельному праву сказалось на занятіяхъ студентовъ: вопросы, разрабатываемые послѣдними, представляютъ главнымъ образомъ тезисы изъ вексельнаго права. Такъ на актѣ 30 іюня 1769 года студентъ Иванъ Борзовъ читалъ по русски рѣчь на тему: „Къ однимъ ли купцамъ векселя, или ко всякому изъ обывателей въ государствѣ принадлежать могутъ?“¹⁾

Изъ школы Дильтея вышли первые русскіе ученые юристы, Десницкій и Третьяковъ. Отправленные Шуваловымъ въ Англію для продолженія образованія, эти молодые люди слушали тамъ не только юриспруденцію, но и математику, химию, медицину. По возвращеніи въ Москву ихъ подвергли повѣрочному испытанію изъ наукъ юридическихъ и математическихъ²⁾. Такой обширный объемъ изучаемыхъ наукъ не даетъ основанія требовать отъ нихъ еще спеціализаціи въ юриспруденціи. Оба они назначены были читать римское право, т. е. то, что на Западѣ понималось подъ именемъ юриспруденціи, Десницкій — пандекты, Третьяковъ — институціи и исторію римскаго права. Студенты должны были ознакомиться непосредственно съ римскими источниками, какъ это можно судить изъ того обстоятельства, что въ 1769 году Десницкій потребовалъ выписки 25 экземпляровъ *Corpus juris civilis* съ различными комментаріями Vinii, Woetii, Noodii³⁾.

Десницкій, наиболѣе талантливый, почувствовалъ вскорѣ недостаточность римской юриспруденціи для русской жизни.

¹⁾ Шевыревъ, Исторія Московскаго Университета, стр. 165.

²⁾ Шевыревъ, стр. 137 и 139.

³⁾ Шевыревъ, стр. 140.

Въ его рѣчи, произнесенной 30 іюня 1768 года, „О прямо́мъ и ближайшемъ способѣ къ наученію русской юриспруденціи“ ¹⁾, мы уже видимъ начертаніе общаго плана новой науки. Для успѣшной постановки русской юриспруденціи Десницкій признавалъ необходимымъ изученіе правственной философіи, естественнаго права и римской юриспруденціи, какъ теоретическаго матеріала съ одной стороны, собраніе всѣхъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ правъ, законовъ, указовъ—съ другой стороны. Соединеніе такихъ элементовъ должно было дать въ результатъ русское гражданское право ²⁾. „Такимъ образомъ, замѣчаетъ профессоръ Станиславскій, первый русскій преподаватель права сознавалъ уже необходимость всесторонняго его изученія—потребность соединенія методовъ философскаго, историческаго и догматическаго. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ особенное наше вниманіе, что и въ университетахъ Западной Европы, во времена Десницкаго, не помышляли еще о такомъ соединеніи методовъ“ ³⁾. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы судить, насколько успѣлъ Десницкій осуществить на дѣлѣ свою мысль.

Въ дѣятельности Десницкаго особенно замѣчательно направленіе, которое обнаруживается въ его трудахъ. Среди другихъ его работъ мы встрѣчаемъ слѣдующія два сочиненія: 1) „Юридическое разсужденіе о началѣ и происхожденіи супружества у первоначальныхъ народовъ и совершенствѣ, къ которому оно приведеннымъ быть кажется послѣдовавшими народами просвѣщеннѣйшими“, 1775, 2) „Юридическое разсужденіе о разныхъ понятіяхъ, какия имѣютъ народы о собственности имѣнія въ разныхъ состоявіяхъ общежителства“, 1781. По этимъ сочиненіямъ мы видимъ, что Десницкій не былъ простымъ догматикомъ или узкимъ закононникомъ, но стремился проникнуть въ ходъ постепеннаго развитія важнѣйшихъ институтовъ гражданского права, какъ бракъ и собственность, на почвѣ исторіи и сравненія различныхъ законодательствъ. Мысль эта представляется весьма замѣчательною для его времени.

¹⁾ Рѣчи русскихъ профессоровъ Императорскаго Московскаго Университета, т. I, стр. 215—247.

²⁾ Біографическій Словарь, т. I, стр. 300.

³⁾ Станиславскій, О ходѣ законодѣнія въ Россіи, 1853, стр. 36.

Нѣкоторое осуществленіе мысли Десницкаго о непосредственномъ изученіи русскаго права принадлежитъ одному изъ его учениковъ, Алексѣю Артемьеву, который въ 1777 году издалъ сочиненіе: „Краткое начертаніе римскихъ и россійскихъ правъ, съ показаніемъ купно обоихъ, равномѣрно какъ и чиноположенія оныхъ исторіи“. Однако сочиненіе это не представляетъ самостоятельнаго изслѣдованія русскаго права, а составляетъ лишь механическое соединеніе римской теоріи и русскихъ законовъ. Въ этомъ произведеніи отечественной литературы мы не встрѣчаемъ еще выдѣленія русскаго гражданскаго права въ совершенно самостоятельную отрасль правовѣдѣнія, хотя въ это время въ жизни стало сознаваться отличіе частнаго права отъ публичнаго (см. Наказъ Екатерины II). Замѣтимъ въ оправданіе русскихъ ученыхъ, что и въ сосѣдней Германіи частное право отождествлялось тогда съ римскимъ правомъ.

Разсматривая, какія науки читались въ концѣ прошлаго столѣтія на юридическомъ факультетѣ московскаго университета, мы находимъ, что по самому характеру преподаванія трудно было ожидать отдѣльнаго чтенія гражданскаго права. Кромѣ римскаго права, которое читалъ Бауза, студентамъ предлагались слѣдующія чтенія: энциклопедія права и исторія права (Бауза), теорія законовъ по Монтескьё (Шнейдеръ), право естественное и народное (медикъ Скіадавъ), этика (Шнейдеръ). Преподаваніе носило отвлеченно-философскій характеръ, было чуждо изученію положительнаго законодательства. Нѣкоторое исключеніе составляло только преподаваніе Горюшкина, читавшаго русское законовѣдѣніе и практическія въ немъ упражненія, причемъ послѣднія заключались въ писаніи бумагъ и изученіи дѣлопроизводства.

Послѣдній изъ указанныхъ преподавателей, Горюшкинъ, оставилъ руководство, по которому преподавалъ, „Руководство къ познанію россійскаго законоискусства“ 1811—1816 гг. Приглашенный въ московскій университетъ для чтенія вслѣдствіе его общезвѣстной служебной опытности, доставившей ему, по словамъ современника, „славу именитаго московскаго адвоката и эмпирика“¹⁾, Горюшкинъ открылъ въ 1790 году свой курсъ вступительною лекціей, которая была напечатана потомъ подѣ

¹⁾ Біографическій Словарь московскихъ профессоровъ, т. I, стр. 248.

заглавіемъ „Краткое разсужденіе о нуждѣ всеобщаго знанія руссійскаго законоискусства и о томъ, что несравненно тягостнѣе приобрѣтать сію науку навыкомъ при отправленіи дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ, нежели по правиламъ, избраннымъ изъ законовъ“. Заглавіе рѣчи достаточно характеризуетъ ея содержаніе.

Однако, хотя и прекрасный практикъ, Горюшкинъ не обладалъ обширной юридической эрудиціею. Его свѣдѣнія о римскомъ правѣ и иностранныхъ законодательствахъ были поверхностны и отрывочны. „Руководство“ Горюшкина лучше всего охарактеризовано профессоромъ Морошкинымъ, который замѣтилъ, что въ этомъ сочиненіи „борется сильная безформенная пародность съ классическими понятіями древнихъ и новѣйшихъ юристовъ“. Система изложенія Горюшкина, хотя и оригинальна, но не научна. Она построена на восхожденіи и усложненіи общественныхъ группъ, къ которымъ принадлежитъ гражданинъ, но при этомъ взяты случайныя историческіе моменты русскаго государственнаго быта, а не тѣ группированія, которыя обуславливаются законами развитія общественности. Начиная 1) съ правъ лица и семейства, Горюшкинъ переходитъ къ 2) правамъ сосѣдства, 3) правамъ селенія, 4) правамъ уѣздовъ, 5) правамъ городовъ, 6) правамъ губерній, 7) правамъ государственнымъ и наконецъ 8) къ правамъ народнымъ. Въ предѣлахъ этихъ рубрикъ изложеніе допускаетъ постоянныя смѣщенія основныхъ понятій, такъ что руководство Горюшкина, хотя и давало читателю не мало свѣдѣній по русскому праву, но совершенно неспособно было содѣйствовать развитію юридическаго образованія въ русскомъ обществѣ.

Начало царствованія императора Александра I ознаменовалось покровительствомъ наукъ и литературѣ. Кромѣ преобразованія московскаго университета, по уставу 5 ноября 1805 года учреждено было еще три русскіе университета, въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ. Въ распредѣленіи кафедръ на юридическомъ факультетѣ или, какъ онъ тогда назывался, отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, замѣчается все тотъ же философскій духъ, который унаслѣдованъ былъ отъ прошлаго столѣтія. Центромъ преподаванія было естественное право, матеріальному гражданскому праву здѣсь не было еще мѣста. Недостатокъ ученыхъ силъ и элементарность

правовѣдѣнія той эпохи не даютъ еще основанія къ спеціализаціи въ юридическихъ наукахъ. Одинъ и тотъ же профессоръ читаетъ каждую изъ наукъ, какія только полагаются на его факультетѣ.

Между тѣмъ въ 1810 году появляется первая попытка систематическаго изложенія русскаго гражданскаго права. Именно профессоръ Терланчъ издалъ въ С.-Петербургѣ „Краткое руководство къ систематическому познанію гражданскаго частнаго права Россіи“, въ 2 частяхъ, посвященное Новосильцеву. Руководство Терланча отражаетъ на себѣ вліяніе эпохи и западной науки. Оно носитъ преимущественно философскій характеръ, нерѣдко переходящій въ сухую схоластику. Какъ образецъ послѣдней, нельзя не привести слѣдующаго мѣста. „По цѣли учености и употребленію познаній въ обществѣ ученые суть: или токмо любители науки или ученые по званію, сіи же ученые умозрительные или ученые потребители; употребители опять ученые дѣловые или учащіе, т. е. учителя; и наконецъ учителя суть или писатели или изустные наставники, хотя часто многія цѣли и роды употребленія учености производятся одною и тою же особою, какъ видно изъ опыта“ (т. I, стр. 10). Терланчъ находится очевидно подъ вліяніемъ Канта, изъ котораго онъ приводитъ нерѣдко длинныя цитаты. Къ сожалѣнію, нельзя замѣтить въ изложеніи Терланча связи между философіею и положительнымъ законодательствомъ, соединеніе ихъ представляется чисто механическимъ.

Въ то же время обращаетъ на себя вниманіе недостаточное знакомство Терланча съ русскимъ правомъ. вслѣдствіе чего онъ нерѣдко переноситъ на русскую почву юридическія воззрѣнія, чуждыя его быту. Такъ напр. профессоръ даетъ слѣдующее опредѣленіе понятію о бракѣ: „бракъ есть сочетаніе двухъ лицъ разнаго пола для взаимнаго стяжанія общихъ свойствъ на всю жизнь; сіе стяжаніе пріобрѣтается обоюду совокупленіемъ тѣлеснымъ, которое есть первое начало и совершеніе брака“ (ч. I, стр. 97, ч. II, стр. 19). Очевидно Терланчъ приписываетъ русскому праву взглядъ западно-католической церкви на *matrimonium consummatum*. Въ Руководствѣ встрѣчаемъ положеніе (ч. I, стр. 99, ч. II, стр. 27), будто по русскому праву родительская власть прекращается „рукопущеніемъ изъ подъ родительской власти (*emancipatione*)“, тогда какъ эта эманципація совершенно чужда нашему законо-

дательству. „Завѣщаніе духовное есть законное опредѣленіе наслѣдника или наслѣдниковъ имѣнію завѣщателя при его кончинѣ“ (ч. II, стр. 224), между тѣмъ какъ *institutio heredis* составляетъ особенность римскаго права и тѣхъ законодательствъ, которыя восприняли его положенія.

Руководство Терлаича раздѣлено на 2 части, изъ которыхъ первая составляетъ какъ бы введеніе ко второй, заключающа въ себѣ изложеніе началъ науки права, средства ея съ другими отраслями знанія и историческій очеркъ развитія русскаго права. Въ концѣ первой части содержится изложеніе общихъ понятій гражданскаго права, подробное развитіе которыхъ отнесено ко второй части.

Право Терлаичъ опредѣляетъ какъ „совокупность тѣхъ условій, на которыхъ произволъ одного съ произволомъ другого состоятъ можетъ по всеобщему закону свободы“ (ч. I, стр. 94), слѣдовательно въ этомъ отношеніи авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Канта. Договорная теорія происхожденія общества также нашла себѣ сторонника въ немъ, — „опредѣленіе права, и ему соотвѣтственной обязанности, по человѣческому произволу, бываетъ токмо въ обществѣ гражданскомъ, коего цѣль есть защита правъ всѣхъ лицъ, составляющихъ оное, и коего членомъ, по предполагаемому первоначальному договору, яко основанію общества, должны признаваться единому, идеальному ли или существенному лицу, яко первому начальнику общества“ (ч. II, стр. 24). Чрезвычайно оригинально понятіе автора о законѣ, далеко не соотвѣтствующее дѣйствительности, — „законы означаютъ всѣ тѣ установленія, кои никогда не перемѣняются, и коихъ не можетъ быть много“ (ч. II, стр. 21). Трудно понять, имѣлъ ли въ виду Терлаичъ идеалъ закона или онъ представлялъ себѣ такимъ образомъ дѣйствительность.

Разсматривая гражданское право, какъ „взаимныя отношенія частныхъ людей, опредѣляемыя положительными законами“ (ч. I, стр. 95), Терлаичъ устанавливаетъ слѣдующую систему гражданскаго права: 1) право лицъ, 2) право вещное, 3) право личное. Право лицъ „есть совокупность тѣхъ условій, на коихъ человѣкъ можетъ пріобрѣсти состояніе другого“ (ч. I, стр. 96) и включаетъ въ себѣ, по мнѣнію Терлаича, отношенія супружескія, отношенія между родителями и дѣтьми, отношенія по усыновленію и опека. Цѣль права лицъ есть пріобрѣтеніе другого яко вещи и поступленіе съ нимъ яко съ

лицемъ, и по сему право лицъ называется и лично-вещнымъ» (ч. I, стр. 96). Еще оригинальнѣе понятіе о вещномъ правѣ, какъ «совокупности тѣхъ условій, на коихъ лице можетъ приобрести вещи, яко средства къ своей цѣли». Въ эту рубрику авторъ вводитъ право наслѣдованія, какъ по закону, такъ и по завѣщанію. Такимъ образомъ, видимъ совершенное отсутствіе системы въ Руководствѣ Терланча, который могъ бы воспользоваться не только римской системой, усовершенствованной французскими юристами XVIII столѣтія, но и новою германскою системою, какую начертали уже въ то время Гуго и Гейзе. Въ виду отсутствія въ сочиненіи профессора Терланча юридической теоріи, основательнаго знанія русскаго права и полной безсистемности изложенія, слѣдуетъ предположить, что оно не имѣло большого вліянія на выработку юридическаго мышленія и образованія русскихъ молодыхъ юристовъ.

Почти одновременно съ Руководствомъ Терланча появляется сочиненіе профессора с.-петербургскаго педагогическаго института Василія Кукольника подъ заглавіемъ «Начальныя основанія русскаго частнаго гражданскаго права», 1813—1815 г.г. Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая посвящена матеріальному гражданскому праву, или, по терминологіи автора, теоріи гражданскаго права, а вторая формальному праву или практическому обряду судопроизводства. Оно представляетъ собою сжатое изложеніе общихъ началъ гражданскаго права съ несравненно большимъ юридическимъ содержаніемъ, чѣмъ Руководство Терланча. Нѣкоторые отдѣлы обработаны весьма недурно для своего времени, особенно наслѣдственное право, которому предшествуетъ даже историческій очеркъ развитія, и обязательственное право.

Согласно съ духомъ науки того времени, Кукольникъ находится подъ вліяніемъ ученія о естественномъ правѣ. «Естественное право, по мнѣнію автора, есть часть философіи, излагающая законы, открываемые намъ чистымъ разумомъ, которые должны служить основаніемъ положительныхъ законовъ, составляющихъ священную ограду правъ гражданъ, оными управляемыхъ». «Въ положительномъ законодательствѣ должно полагать общимъ правиломъ то, чтобъ безъ крайней нужды не удаляться отъ естественнаго права, иначе законы будутъ не тверды, непочвы, иногда же и несправедливы» (ч. II, стр. 14). Въ соотвѣтствіи съ такимъ взглядомъ на зна-

ченіе естественнаго права стоять взглядъ Кукольника на законъ. «Законъ, въ общемъ юридическомъ знаменованіи, есть правило, налагающее на насъ нравственную необходимость соотнобразять съ онымъ свободныя наши дѣянія. Нравственная необходимость, налагаемая на насъ закономъ, называется также нравственною обязанностью. Оную или внушаетъ намъ здравый разумъ, представляя слѣдствія предпринимаемыхъ нами свободныхъ дѣяній, или предписываетъ верховная власть, угрожая за несоблюденіе ея воли наказаніемъ. Въ первомъ случаѣ законъ бываетъ естественный, въ семъ же послѣднемъ положительный» (ч. I, стр. 1). Такимъ образомъ Кукольникъ въ своемъ понятіи о законѣ расходится далеко съ современнымъ намъ понятіемъ, считая положительный законъ лишь видомъ юридическихъ законовъ. Конечно, естественные законы онъ понимаетъ не въ смыслѣ приращенныхъ намъ началъ справедливости.

Признавая, что содержаніе частнаго права составляютъ «взаимныя отношенія гражданъ между собою по ихъ лицамъ и имуществамъ» (ч. I, стр. 5), Кукольникъ придерживается въ изложеніи римской системы. «Теорія, по различію предметовъ оной, раздѣляется на три отдѣленія: 1) о лицахъ, состояніи оныхъ, о правахъ и обязанностяхъ, проистекающихъ отъ личнаго состоянія гражданъ; 2) о вещахъ и о правахъ и обязанностяхъ съ оными сопряженныхъ; 3) о дѣяніяхъ и о правахъ и обязанностяхъ отъ оныхъ проистекающихъ» (ч. I, стр. 10). По мнѣнію Кукольника, для изученія гражданскаго права необходимы вспомогательныя знанія. Для достиженія причинъ и цѣли законовъ требуется основательное знакомство съ отечественною исторіею, для точнаго примѣненія законовъ къ дѣяніямъ, предполагающаго искусство въ правильномъ умышленіи, юристу необходима наука логики. Но авторъ очевидно нѣсколько увлекается, когда говоритъ, что такъ какъ предметы права суть лица, вещи и дѣянія, то для юриста необходимы «науки, относящіяся къ онымъ, какъ антропологія вообще и психологія въ частности, физика, архитектура, технология, наука сельскаго домоводства и прочія естественныя науки, предметы коихъ суть вещи, составляющія имущество гражданъ» (ч. I, стр. 7).

При чтеніи Кукольника непріятно поражаетъ своеобразная терминологія автора, такъ *detentio* онъ называетъ грам-

матическимъ владѣніемъ въ противоположность юридическому (ч. I, стр. 89), право собственности—обладаніемъ (ч. I, стр. 98), сервитуты—повинностями¹⁾. Не лишена книга иногда и курьезовъ, такъ личныя отношенія супруговъ авторъ опредѣляетъ въ слѣдующей формѣ: «общія права и взаимныя обязанности супруговъ суть тѣ, которыя слѣдуютъ непосредственно изъ цѣли брака, ибо каждый изъ оныхъ имѣетъ совершенное право требовать отъ другого исполненія всего того, безъ чего не можетъ быть достигнута цѣль супружескаго общества» (ч. I, стр. 61).

Въ томъ же духѣ и направленіи проявилъ свою ученую дѣятельность даровитый профессоръ московскаго университета, Левъ Цвѣтаевъ, занимавшій съ 1805 года кафедру теоріи законовъ. Отправившись въ Парижъ для продолженія своихъ научныхъ занятій, Цвѣтаевъ увлекся и поддался вліянію французской школы. Сочиненія Монтескьё и Бекаріи были его главными руководителями въ наукѣ. Если мы въ настоящее время не можемъ раздѣлять его увлеченія естественнымъ правомъ, то нельзя не сочувствовать его стремленіямъ внести научный свѣтъ въ нашу подъяческую среду, замѣнить практической судебный павыкъ теоретическою юриспруденціею. Въ предисловіи къ «Начертанію теоріи законовъ» 1810 года Цвѣтаевъ восклицаетъ: «авось либо, кромѣ юридическихъ словарей и памятниковъ изъ законовъ, мы нѣкогда увидимъ и систематическія сочиненія о законахъ!». Цвѣтаевъ содѣйствовалъ распространенію теоретическихъ цивильныхъ понятій посредствомъ римскаго права, преподаваніе котораго было ему особенно пріятно²⁾. Въ этой области имъ было сдѣлано не мало. Кромѣ перевода учебника Макельди, онъ выпустилъ въ свѣтъ еще «Начертаніе римскаго гражданскаго права», 1817 года, «Краткую исторію римскаго права» и «Учебную книгу римскаго гражданскаго права» 1834 года.

Главнымъ его научнымъ трудомъ должно быть признано «Начертаніе теоріи законовъ», 1810 года, вышедшее вторымъ изданіемъ въ 1817 году. Какою же представляется теорія пра-

¹⁾ Замѣтимъ впрочемъ, что это выраженіе употреблено для той же цѣли переводчиками саксонскаго гражданскаго уложенія (стр. L), оно встрѣчается въ Остзейскихъ гражданскихъ законахъ (ст. 1089, 1103, 1265).

²⁾ Біографическій словарь московскихъ профессоровъ, т. II, стр. 539.